

Научная статья

УДК 821.161.1+821.581

DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-138-150

Образ Чжуан Чжоу и сюжет притчи о бабочке в поэзии И. Б. Бурдонова

Леонид Викторович Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Шэньчжэнь, КНР

Московский университет имени А. С. Грибоедова
Москва, Россия

dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация

Исследуется образ китайского философа Чжуан Чжоу, сюжет притчи о бабочке и в целом обращение к трактату «Чжуан-цзы» в так называемом «чжуановском цикле» современного поэта И. Б. Бурдонова, включающем стихотворения «Читая “Чжуан-цзы”» (1986), «Читая Чжуан-цзы» (1988), «Философ иного мира» (1990), «Бабочка Чжуан Чжоу» (2020), «Китайская дочка» (2024) и «Брэдбери и бабочка Чжуан Чжоу» (2025). Новизна исследования обусловлена сопряжением литературоведческого и религиоведческого подходов, что позволяет системно проанализировать эволюцию даосских мотивов в творчестве Бурдонова. Посредством метода интертекстуального анализа, структурно-семиотического метода, сравнительно-исторического метода, методов мотивного, мифопоэтического, феноменологического, лингвостилистического анализа, наконец, культурно-исторического и метода реконструкции религиозного контекста в работе рассматривается, как трансформируется поэтическая оптика автора: от уважительного всматривания в древний текст к игровому повторению и вовлечению даосских мотивов в современный культурный контекст. Особое внимание уделяется межтекстовым связям: выявляются параллели с поэзией Михаила Лермонтова, Велимира Хлебникова и рассказом Рэя Брэдбери «И грянул гром». Бурдонов в своих текстах последовательно осваивает центральные категории даосизма, среди которых недеяние (у-вэй), естественность (цзы жань) и превращение (хуа). В ранних стихотворениях преобладает почтительное цитирование, обнаружение актуальности и плодотворности даосского культурного кода, создание «даосского пейзажа», в поздних – ироническая рекурсия и комбинаторный перебор онейрических состояний в кросс-культурном окружении. Образ Чжуан Чжоу – от восьмидесятых годов к двадцатым – эволюционирует от древнего мудреца к собеседнику и двойнику, чей сюжет о бабочке вплетается в перспективное культурное пространство. Бурдонов создает поэзию, в которой даосская философия не иллюстрируется, но становится способом мышления и переживания. Бурдоновские стихотворения «чжуановского цикла» представляют собой опыт создания «китайского текста» русской литературы, в котором даосская традиция не филологически реконструируется, а поэтически преображается.

© Дубаков Л. В., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 138–150

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 138–150

Ключевые слова

И. Б. Бурдонов, Чжуан-цзы, притча о бабочке, даосизм, «китайский текст» русской литературы, рекурсия, межкультурный диалог

Для цитирования

Дубаков Л. В. Образ Чжуан Чжоу и сюжет притчи о бабочке в поэзии И. Б. Бурдонова // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 138–150. DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-138-150

The Image of Zhuang Zhou and the Plot of the Parable of the Butterfly in the Poetry of Igor Burdonov

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University
Shenzhen, China

A. S. Griboedov Moscow University
Moscow, Russian Federation

dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract

The article examines how the modern poet Igor Burdonov engages with the image of the Chinese philosopher Zhuang Zhou, the plot of the butterfly parable and, in general, the appeal to the treatise “Zhuang Tzu” in the so-called “Zhuang cycle” of poems. This cycle includes the poems “Reading ‘Zhuang Tzu’” (1986), “Reading Zhuang Tzu” (1988), “Philosopher of the Other World” (1990), “Butterfly of Zhuang Zhou” (2020), “Chinese Daughter” (2024) and “Bradbury and the Butterfly of Zhuang Zhou” (2025). The novelty of the study lies in its combined literary and religious studies approach, enabling a systematic analysis of the evolution of Taoist motifs in Burdonov’s work. Employing a comprehensive suite of analytical methods – intertextual, structural-semiotic, comparative-historical, motif, mythopoetic, linguistic-stylistic analysis, and, finally, the cultural-historical method – this work examines the author’s poetic optics as they evolve: from a respectful examination of ancient texts to a playful repetition and the incorporation of Taoist motifs into a contemporary cultural context. Particular attention is paid to intertextual connections, revealing parallels with the poetry of Mikhail Lermontov, Velimir Khlebnikov, and Ray Bradbury’s story “A Sound of Thunder”. In his texts, Burdonov consistently masters the central categories of Taoism, including non-action (wu-wei), naturalness (zi ran), and transformation (hua). His early poems are dominated by respectful citation, the discovery of the relevance and fruitfulness of the Taoist cultural code, and the creation of a “Taoist landscape”. His later poems feature ironic recursion and a combinatorial enumeration of oneiric states in a cross-cultural environment. The image of Zhuang Zhou, from the 1980s to the 1920s, evolves from an ancient sage to an interlocutor and double, whose butterfly narrative is woven into a far-reaching cultural landscape. Burdonov creates poetry in which Taoist philosophy is not illustrated but becomes a way of thinking and experiencing. Burdonov’s poems from the “Zhuang cycle” represent an attempt to create a “Chinese text” for Russian literature, in which the Taoist tradition is not philologically reconstructed but poetically transformed.

Keywords

Igor Burdonov, Zhuangzi, parable of the butterfly, Taoism, “Chinese text” of Russian literature, recursion, intercultural dialogue

For citation

Dubakov L. V. The Image of Zhuang Zhou and the Plot of the Parable of the Butterfly in the Poetry of Igor Burdonov. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 2, pp. 138–150. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-138-150

Введение

«Китайский текст» русской литературы, согласно определению А. А. Краснояровой и Б. В. Кондакова, – это сверхтекст, включающий произведения, которые содержат собирательный образ китайской культуры, «связанный с целостным комплексом идей, выраженных через судьбы персонажей и обуславливающих развитие сюжета» [Красноярова, Кондаков, 2024, с. 15]. Этот сверхтекст «объединяется не только изображением Китая, его истории и природы, но и отражением культурных реалий, обращением к национальным религиозно-философским и этическим идеям, мифологемам, образам и сюжетам, выраженным в текстах культуры, использованием определенных стилевых и сюжетно-композиционных приемов, применяемых китайской словесностью» [Там же, с. 16]. Китайские мотивы обнаруживаются в русской литературе на протяжении уже более трех веков, но объем и разнообразие «китайского текста» новейшей русской словесности, при сегодняшней активизации контактов между Россией и Китаем, превышают привычные пределы (что обуславливает актуальность статьи). Один из современных поэтов, много раз обращавшийся к китайским мотивам, – И. Б. Бурдонов.

Игорь Борисович Бурдонов (род. в 1948) – ученый, художник и писатель. Он опубликовался в «Новом мире» (Бурдонов, 1997), «Митингом журнале» (Бурдонов, 1987), «Аргументах и фактах» (Бурдонов, 1999) и др. Его произведения активно переводит известный русист Гу Юй (кит. упр. 谷羽, пиньинь Gu Yu) (Бурдонов, 2026), о его произведениях пишут китайские литературоведы – в частности, Лин Минли (кит. упр. 林明理, пиньинь Lin Mingli) и Хэ Фань (кит. упр. 贺梵, пиньинь He Fan) осмысливают буддийские и даосские корни его поэзии [Лин Минли, 2024]. Одна из статей Гу Юя посвящена исследованию жанровой специфики бурдоновских текстов [Гу Юй, 2020]. В России В. Б. Микушевичем было написано предисловие «Конец вечности» к поэтическому сборнику Бурдонова «Ритуальные числа» [Микушевич, 2009]. Также опубликованы статьи «Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова “Дао города Пинъяо”» [Дубаков, 2025] и «Буддийское “настроение” в поэзии Игоря Бурдонова (на материале “Подборки буддийских стихотворений” (1984–2008))» [Дубаков, 2026].

В этой работе системно, с сопряжением религиозноведческого и литературоведческого подходов (что определяет новизну статьи), исследуются особенности образа китайского философа Чжуан Чжоу (кит. упр. 庄子, пиньинь Zhuāng Zhōu) (369–286 гг. до н. э.) в так называемом «чжуановском цикле» Бурдонова. Это в разные годы написанные стихотворения «Читая “Чжуан-цзы”», «Читая Чжуан-цзы», «Философ иного мира», «Бабочка Чжуан Чжоу», «Китайская дочка» и «Брэдбери и Чжуан Чжоу».

**Птичьи следы и иероглифы:
мифопоэтика письменности и образ живого философа
в стихотворении «Читая “Чжуан-цзы”»**

«Читая “Чжуан-цзы”» (зима 1986) с точки зрения структуры – это четверной «текст в тексте». С одной стороны, есть само стихотворение, чьи образы и смыслы отсылают к «Чжуан-цзы». С другой – автор после стихотворных строк указывает на конкретную книгу о Чжуан-цзы [Малявин, 1985]: «Читаю книгу Владимира Вячеславовича Малявина “Чжуан-цзы”» (Бурдонов, 2026, с. 26). С третьей – речь идет о самой книге притч «Чжуан-цзы» (кит. упр. 莊子, пиньинь Zhuāngzǐ). С четвертой – внутри стихотворения говорится о «письменах птичьих следов» (Бурдонов, 2026, с. 26), оставленных вороной на зимнем снегу. Таким образом, «Читая “Чжуан-цзы”» оказывается стихотворением, которое в процессе своего чтения погружает в утоншающиеся реальности – вначале в три текстовых (стихотворение поэта – книга о философе – книга философа), затем – в затекстовую (текст природы).

Этот природный текст заставляет также вспомнить о китайской мифологической истории возникновения письменности. Считается, что Цан Цзе (кит. упр. 仓颉, пиньинь Cāng Jié) (XXVI в. до н. э.), изучая следы птиц и зверей на земле, создал первые иероглифы. Иначе говоря, все четыре текста обнаруживают связь – графическую и смысловую (образы предметного мира – это «следы» Великого Превращения [Малявин, 1995, с. 33]): иероглифы имени Чжуан Чжоу (кит. трад. 莊子 или кит. упр. 莊子), написанные птичьим чжуанем (кит. упр. 鸟篆, пиньинь niǎo zhuàn), иначе – оставленные на снегу птицей (очеловеченной через метафору шубы из перьев), провозвествуют, что философ жив – в переносном смысле (в трех текстах) и в материально-духовном (возвращаясь в мир вместе с весной).

Нужно также сказать о «даосском» пейзаже этого стихотворения. В главе «Ле Юйкоу» (кит. упр. 列御寇, пиньинь Liè Yùkòu) Чжуан Чжоу парадоксально и смиренно говорит ученикам: «На земле я достанусь воронам и коршунам, под землей пойду на корм муравьям. <...> За что же муравьям такое предпочтение?» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 274). Ворона в тексте, таким образом, не просто зимняя птица, а образ естественного порядка смерти с «костяным» носом (лик смерти). Местом же для естественной смерти оказывается пространство под дубом. Этот дуб отсылает к главе «Среди людей» (кит. упр. 人间世, пиньинь rén jiān shì), в которой плотник не стал рубить дерево, потому что оно было слишком большим и потому «смогло прожить так долго» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 8). Другими словами, оба этих образа – вороны и дуба – с одной стороны, указывают на смерть, а с другой – на ее преодоление («Неужели и вправду жив великий даос!») (Бурдонов, 2026, с. 26) за пределами реальности.

**Принцип у-вэй и поэтика не-деяния
в стихотворении «Читая Чжуан-цзы»**

Стихотворение «Читая Чжуан-цзы» (июль 1988), имея схожее название, говорит о другом – об авторе книги «Чжуан-цзы». В главе «Дерево на горе» (кит. упр. 山木, пиньинь Shān mù) есть такие слова: «Провожал уходящих и встречал приходящих, не удерживая первых и не чиня препятствий вторым» (Чжуан-цзы..., 1995,

с. 183). В первой строфе Бурдонов развивает заявленный у Чжуан Чжоу принцип внутренней свободы и ненасильственного взаимодействия с реальностью:

Приходящего – не расспрашивай.
Молчащего – не прерывай.
Уходящего – не останавливай.
Ушедшего – не поминай.
(Бурдонов, 2026, с. 71)

Не нужно навязывать волю другому еще до того, как стала ясна его природа; не нужно прерывать молчащего, нарушая тем самым его естественное состояние; не нужно останавливать уходящего, ведь срок его жизни рядом с тобой истек; наконец, не нужно и помянуть ушедшего и тем самым держать в уме то, чего больше нет, отравляя свое и чужое настоящее. Можно заметить, что синтаксис этого текста напоминает о хлебниковском «Когда умирают кони – дышат...». Но там, где Хлебников романтизирует память об умерших, герой бурдоновского стихотворения, вслед за даосами, предлагает войти в поток у-вэй, или не-деяния (кит. упр. 无为, пиньинь wú wéi).

«Читая Чжуан-цзы» – это поэтическая медитация и императивная гомилетика. Обращаясь к другому и к самому себе, Бурдонов осваивает в тексте главные идеи «великого даоса». Так, вторая строфа стихотворения напоминает о главе «Осенний разлив» (кит. упр. 庄子, пиньинь Qiū shuǐ), где есть строки о естественном и циклическом течении времени: «Не задержать вереницу лет. / Не остановить времени бег. / Упадок и расцвет, изобилие и скудость: / Приходит конец – и снова грядет начало!» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 163). Бурдонов прилагает это к смене времен года, спокойное существование внутри которой рождает ощущение гармонии и поэзии:

Весною тоскуй о лете.
Летом предчувствуй осень.
Осенью жди зимы.
Зимой смотри на снег
(Бурдонов, 2026, с. 71) –

и следы «птичьих следов письма» как знак весны и возрождения (см. предыдущий текст), ведь настоящие люди, «Прохладные, как осень, теплые, как весна, <...> следовали в своих чувствах четырем временам года, жили, сообразуясь со всем сущим» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 95).

Следующие восемь строк, построенные на повторах, указывают на способ поведения в ситуации, которая становится все хуже: путь (кит. упр. 道, пиньинь dào) может быть «тяжел и труден», а может даже «улететь в пропасть» (Бурдонов, 2026, с. 71) – действие одно: «уйди в густую траву» (Бурдонов, 2026, с. 71), т. е. соединишься с природной реальностью.

Завершается стихотворение философским афоризмом:

Жизнь на земле продолжается вечно,
смерть – из числа относительных истин
(Бурдонов, 2026, с. 71), –

которому можно найти множество соответствий в «Чжуан-цзы». Вот, например: «время не знает остановки, границы вещей непостоянны, начала и концы не установлены раз и навсегда» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 160). А эпитафия и финальные строки бурдоновского текста – это слова из главы «Высший учитель» (кит. упр. 大宗師, пиньинь Dàzōngshī): «Как грандиозен путь превращения вещей! Чего только не сотворят из тебя нынче! Куда только не заведут тебя перемены! Быть может, ты превратишься в печень крысы? Или в лапку насекомого?» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 99). Поэт переводит эти слова в дактиль и дольник:

Может быть, станешь кузнечика плечиком,
может быть, станешь печенью крысы
(Бурдонов, 2026, с. 71), –

и снова вызывает ассоциацию со стихотворением Хлебникова – с «Кузнечиком»: например, внутренняя бурдоновская рифма «кузнечика плечиком» созвучна хлебниковскому «кузов пуза» (Хлебников, 1986, с. 55). Главное же, что у обоих авторов в образе кузнечика, конечно, актуализирована фигура поэта. (Кстати, в стихотворении «Философ иного мира» 1990 г. Бурдонов прямо назовет Чжуан Чжоу не только философом, но и поэтом.)

Но дело также и в том, что само стихотворение «Читая Чжуан-цзы», обращенное к неопределенному второму лицу (ты), может быть адресовано читателю и автору, который является поэтом. История хлебниковского «поэта» – это история озарения-преображения-превращения творца в мире, полном «хищных вещей века», история бурдоновского «поэта» – история превращения как принципа жизни, заданного творцом. «Творец» из эпитафии – это «создатель вещей» (кит. упр. 造物者, пиньинь zàowùzhě) и он же – «великий плавильщик» (кит. упр. 大冶, пиньинь dà yě). Слово «творец» в русской традиции вызывает в сознании образ бога-творца или человека-творца, но Бурдонов, следуя за Чжуан Чжоу, отводит и творцу скромное место в круговороте бытия – «станешь кузнечика плечиком», ведь «мудрые люди <...> не считают малое ничтожным, а большое – великим» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 160), потому что «нет ни малого, ни великого, а есть лишь “уступление в круговороте”» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 163).

В конце 2-й главы книги «Чжуан-цзы», которая называется «О том, как вещи друг друга уравнивают» (кит. упр. 齊物論, пиньинь Qí wù lùn), появляется знаменитая притча о бабочке: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!» [Малявин, 1995, с. 73]. Бурдонов в своих стихах не раз обращается к сюжету притчи и ее образам.

Сон во сне: онейрическая структура «Философа иного мира» и ее лермонтовские параллели

Стихотворение «Философ иного мира» (октябрь 1990) по структуре напоминает о «Сне» (1841) М. Ю. Лермонтова. В. В. Набоков объясняет лермонтовский

текст как соединение трех снов: «Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе» (Набоков, 2004, с. 526). Иначе говоря, лирический герой «Сна» видит сон о том, как его настигает смерть на Кавказе. Тот, кто смертельно ранен, видит сон о молодой девушке. Ей же снится сон об умирающем, который во сне видит ее. У Бурдонова герой стихотворения, видя бабочку, вспоминает о Чжуан Чжоу, что уснул и вообразил себя крылатым насекомым, и когда этот герой засыпает, то слышит слова китайского философа. Сон здесь оказывается способом проникновения сквозь времена и пространства и способом соприкосновения душ сквозь телесные формы, находящиеся в процессе превращения. «Философ иного мира» открывается мифологическим пейзажем – герой оказывается в абсолютном одиночестве в полдень в центре луга. Эти координаты (один – зенит – центр), на первый взгляд сообщая конкретику, передавая уникальность, на самом деле обозначают ситуацию универсальности (неслучайно и Чжуан Чжоу, согласно тексту, засыпает в полдень). «Цветы цветов», над которыми вьется бабочка, можно понять как цветки, т. е. органы семенного размножения растений, но и как конструкцию родительного тавтологического, усиливающую универсальный характер природной реальности.

Герой бурдоновского стихотворения ищет в Чжуан Чжоу собеседника, а находит двойника: оба видят сон о бабочке / засыпают сном бабочки (у Бурдонова герой укладывается на «цветы цветов» – такие же, над которыми летает бабочка); оба не уверены в том, какая именно реальность является первичной, и оба неопределенны в своем онтологическом статусе. Гу Юй сделал перевод этого стихотворения на китайский язык и в послесловии к нему также обозначил неотчетливость финального нарратора: «那轻轻的声音, 来自谁? 庄子? 蝴蝶? 抒情诗人? 恍惚迷离, 亦真亦幻.» (Бурдонов, 2026, с. 71) («Этот легкий шепот – от кого он? От Чжуан-цзы? От бабочки? От лирического поэта? Смутно, туманно, то ли правда, то ли вымысел» <перевод мой. – Л. Д.>). Наконец, оба одними и теми же словами высказывают свое желание: «Как бы хотел я с ним / перекинуться парой слов!» (Бурдонов, 2026, с. 71). Интересно, что глагол «перекинуться» означает не только обмен словами, но и процесс оборотничества – перекидывания из формы в форму. Интересен и акцент на «паре слов»: устойчивое сочетание здесь выражает смысл, противоположный подчеркнутому одиночеству лирического героя, заявленному в начале текста. Герой перестает быть одиноким, когда видит и слышит бабочку-философа.

Послесловием к стихотворению является цитата из 26-й главы «Чжуан-цзы» «Внешние вещи» (кит. упр. 外物, пиньинь Wài wù): «Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить» (Бурдонов, 2026, с. 71). Над этой цитатой помещено словосочетание: «Бабочка Чжуан-цзы». То ли оно является ключом к образам стихотворения (оно указывает, кто такой философ иного мира и что это за бабочка), то ли это истолкование образа бабочки и сюжета китайской притчи: бабочка – это как бы свидетельство об обретенном смысле вне твердых, четких форм, что отменяет необходимость слов.

**Онтологическая неопределенность и двойничество:
бабочка / философ как собеседник**

Стихотворение «Бабочка Чжуан Чжоу» написано в 2020 г. По сравнению с другими текстами «чжуановского цикла» в нем очевидно повышен градус иронии: диалог лирического героя с бабочкой оборачивается комическим недоразумением, а философская глубина притчи оказывается снижена бытовым «уймешься», «обознался» и ироничным «выходит, врут все философы и поэты» (Бурдонов, 2026, с. 220). Вместе с тем, как и прежде, устанавливая дистанцию и тем самым порождая новое отношение к традиции и новые смыслы, Бурдонов осваивает в этом стихотворении ряд идей трактата «Чжуан-цзы». За фразой о поэтах и философах следуют у него слова бабочки: «Они все еще спят, философы и поэты» (Бурдонов, 2026, с. 220). Другими словами, если сон Чжуан Чжоу размывал границу между реальностями, то здесь сон понимается как сон сознания, указывающий на проявление неглубины у тех, кто наделен разумом: «С ограниченным ученым не поговоришь о Великом Пути – ведь он скован своим учением» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 159) («Осенний разлив» (кит. упр. 秋水, пиньинь Qiū shuǐ)), – и напротив, «истинно мудрый презирает блеск изощренных речей. Он не придумывает истины, а оставляет все вещи на их обычном месте» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 69) («О том, как вещи друг друга уравнивают» (кит. упр. 齊物論, пиньинь Qí wù lùn)). Интересно, что глагол «обознался» в этом контексте тоже имеет значение не только «принять кого-то за другого», но и ошибиться в своем знании – в смысле вообще проведения различий. Лирический герой ошибается с определением онтологического статуса другого / другой в этом стихотворении, потому что его не столько подводят глаза, сколько ум. В конце все же говорится, что улетела не просто бабочка, а сам Чжуан Чжоу. Таково же и название стихотворения, в котором первое слово «бабочка» может быть понято как то, что принадлежит китайского философу, как образ его притчи, и одновременно как определение его природы.

Мечта о коммуникации вне слов, что была обозначена стихотворении «Философ иного мира», здесь осуществляется: глагол «пропорхала» Бурдонов употребляет вokkaзиональном значении, нарушая грамматические нормы: бабочка, ответила, перелетая (что делая), махая крыльями (как). Но, главное, что ее речь оказывается внеконцептуальной, а значит, определенной, по-настоящему ясной, хотя и основанной на парадоксах. Например, бабочка отвергает шутку героя о том, что она порхает уже третье тысячелетие, говоря, что родилась лишь утром этого дня, но это лишь реализация идеи Чжуан Чжоу о присутствии противоположности в высказывании («А есть также не-А» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 409)). Разделять бабочку и Чжуан Чжоу, а также длительное и сиюминутное неверно, поскольку «их разделение – это их созидание, их созидание – это их разрушение. Но все вещи – рождающиеся и погибающие – друг друга пронизывают и сходятся воедино» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 67) («О том, как вещи друг друга уравнивают» (кит. упр. 齊物論, пиньинь Qí wù lùn)).

В конце стихотворения Чжуан Чжоу «упархивает» «в синее-синее небо раннего утра» (Бурдонов, 2026, с. 220), подобно птице Пэн из главы «Беззаботное скитание» (кит. упр. 逍遙游, пиньинь Xiāoyáo yóu), что «парит выше облаков в голубых небесах» (Чжуан-цзы..., 1995, с. 60), беспечно странствуя в мире и на-

правляясь в сторону освобождения от земной суеты. Редупликация цвета неба переводит его из пространства над поверхностью земли в метафизическую категорию. Это не синий, но другой цвет – например, лазурный, тот цвет неба, который видит птица Пэн, поднявшаяся высоко, ведь она «绝云气，负青天» (пиньинь *jué yún qì fù qīng tiān*) («...пронзает облака, взваливает на спину лазурное небо...») <перевод мой. – Л. Д.>).

**Чжуан-бабочка в пространстве русской сказки:
любовь как высшая реальность («Китайская дочка»)**

В стихотворении «Китайская дочка» (2024) из цикла «Четвертое путешествие в Китай» вновь появляется образ Чжуан Чжоу, еще сильнее на грамматическом уровне соединенный со своей поэтической придумкой – Чжуан-бабочка. Это стихотворение очень личное, оно о связи людей, живущих в разных культурах, и об условностях родственных отношений и временных границ. Китай в нем предстает страной, помещенной в стилистику русской сказки:

В тридевяти Улинском нагорье,
В тридесяти Лукоморье
Всё течет и течет живая вода.
По левому берегу розовеют персики,
По правому берегу краснеют яблоки.
Высоко летят гуси-лебеди...
(Бурдонов, 2026, с. 455)

В самом конце появляется между героями:

летит Чжуан-бабочка
и поет: «Это не сон. Это не сон.
Это вся правда моя, это истина...
Это любовь моя...»
(Бурдонов, 2026, с. 455)

Это цитата из песни, текст которой был создан Аделиной Адалис на основе романа Рабиндраната Тагора и прозвучавшей в советском кинофильме «Вам и не снилось» (1980). Утверждение реальности как сновидческой в предыдущих стихотворениях «чжуановского цикла» здесь получает контррезис: реальность любви истинна в мире, напоминающем сон / являющемся сном.

**«Брэдбери и бабочка Чжуан Чжоу»:
комбинаторика, рекурсия и философский парадокс**

Последнее на сегодняшний день стихотворение, где появляется образ Чжуан Чжоу, – текст 2025 г. «Брэдбери и бабочка Чжуан Чжоу». Это произведение представляет собой поэтическую вариацию на тему притчи о бабочке, переосмысленную через призму научной фантастики Рэя Брэдбери (в частности, его рассказа «И грянул гром»), где случайно раздавленная в далеком прошлом бабочка меняет настоящее).

Структура стихотворения строится на повторяющейся синтаксической модели с вариациями. Каждая строфа (или каждый фрагмент) представляет собой один из возможных вариантов «перестановки» трех элементов: Брэдбери, бабочка, Чжуан Чжоу. Каждый раз меняются субъект сна (кому снится), объект действия (кто раздавлен), статус реальности (кто является сном, а кто – реальностью). Можно сказать, что композиция этого кросс-литературного текста напоминает матрешку, поскольку он представляет собой вложенные друг в друга сны (здесь получает развития идея стихотворения «Философ иного мира»), или логический куб как перебор всех возможных комбинаций. Можно также говорить о почти бесконечной рекурсии, так как каждый новый вариант порождает следующий. Стихотворение, однако, завершается, делая круг: отстраиваясь от Брэдбери, оно заканчивается Чжуан Чжоу и бабочкой.

Такая его структурная особенность порождает одновременно юмористический эффект, потому что как будто механистический перебор вариантов доводит философский парадокс до почти абсурдной полноты, и сохраняет философскую глубину, ведь более чем серьезные вопросы о границах реальности, сна, личности и о причинности остаются в нем открытыми.

Заключение

В стихотворениях с почти идентичными названиями «Читая “Чжуан-цзы”» и «Читая Чжуан-цзы» И. Б. Бурдонов акцентирует внимание на разных аспектах образа Чжуан Чжоу и его знаменитой книги: в первом произведении он указывает на текстовую природу действительности и природную реальность текста, во втором говорит об особенностях пути поэта-философа, осознающего себя в мире постоянных изменений и стремящегося к внутренней свободе. В последующих стихотворениях «чжуановского цикла» («Философ иного мира», «Бабочка Чжуан Чжоу», «Китайская дочка», «Брэдбери и бабочка Чжуан Чжоу») поэт разворачивает диалог с притчей о бабочке, переходя от созерцательного удивления к иронии, от мечты о коммуникации вне концептов – к утверждению любви как высшей реальности.

«Чжуановский цикл» демонстрирует эволюцию образа Чжуан Чжоу у Бурдонова: от почтительного цитирования / аллюзивирования к игровой рекурсии и комбинаторному перебору сновидческих состояний. В поздних бурдоновских текстах китайский философ становится не только мудрецом древности, но и собеседником, двойником, чья бабочка влетает в современные культурные контексты – от советской песни до научной фантастики.

На протяжении всего цикла Бурдонов последовательно осваивает центральные категории даосизма: у-вэй (недеяние) как отказ от насильственного вмешательства в ход вещей, естественность (цзы жань) (кит. упр. 自然, пиньинь zì rán) как высшую ценность, преодоление границ между жизнью и смертью через идею превращения (хуа) (кит. упр. 化, пиньинь huà). Именно даосское мироощущение позволяет поэту говорить о смерти как об «относительной истине» и утверждать вечность жизни, растворенной в круговороте природы.

Стихотворения Бурдонова представляют собой оригинальный опыт создания «китайского текста» русской литературы, в котором древняя философская традиция не реконструируется филологически, а переживается поэтически. Автор

не перелагает «Чжуан-цзы» стихами, а, скорее, создает поэзию, проникнутую даосским мироощущением, в которой находят место идеи доверия естественному циклическому ходу вещей, отказа от действия, нарушающего гармонию, наконец, принятия смерти как превращения внутри потока непрекращающейся жизни.

Образ Чжуан Чжоу у Бурдонова становится медиатором межкультурного диалога, точкой пересечения множества актуальных смыслов, а его знаменитая притча о бабочке перестает быть только философским парадоксом и превращается в универсальную модель для размышлений о творчестве, любви и возможности понимания между разными культурами и временами. В этом отношении «чжуановский цикл» можно рассматривать как поэтическую реализацию ключевых интуиций даосизма: не-различения, спонтанности, пустоты как полноты и странствия как обретения себя.

Список литературы

Дубаков Л. В. Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова «Дао города Пиньяо» // Преподаватель. XXI век. 2025. № 3-1. С. 182–191.

Дубаков Л. В. Буддийское «настроение» в поэзии Игоря Бурдонова (на материале «Подборки буддийских стихотворений» (1984–2008)) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2026. Т. 18, № 1. С. 192–204.

Красноярова А. А., Кондаков Б. В. «Китайский текст» русской литературы: Монография / Под ред. Т. Д. Попковой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2024. 178 с.

Малявин В. В. Чжуан-цзы / Отв. ред. Л. П. Делюсин. М.: Наука, 1985. 309 с.

Малявин В. В. Мудрость «безумных речей» // Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 3–58.

Микушевич В. Б. Конец вечности // Бурдонов И. Б. Ритуальные числа. М.: Арт Хаус медиа, 2009. С. 5–6.

谷羽. 从俄罗斯诗人的中文图章说起 // 天津日报, 2020 年 1 月 17 日, 16 版, 满庭芳 [Гу Юй. О китайских печатях русского поэта // *Ежедневная газета города Тяньцзинь*. 2020. 17 янв., 16-я полоса, приложение «Маньтинфан»]. (на кит. яз.)

林明理. 伊戈尔·布林多诺夫的诗画人生 // 馬祖日報, 中华民国一一三年七月二日, 3 版 [Лин Минли. Жизнь поэзии и живописи Игоря Бурдонова // *Ежедневная газета Мацзу*. 2024. 2 июля, 3-я полоса]. (на кит. яз.)

Список источников

Бурдонов И. Б. Тао Ши // Митин журнал. 1987. № 18 (ноябрь – декабрь). С. 135–142.

Бурдонов И. Б. Созерцание картинок в китайском календаре // Новый мир. 1997. № 12. С. 135–138.

Бурдонов И. Б. Хмурое утро. Тихо бредут мужики за самогоном // Аргументы и Факты. 1999. № 27. URL: <https://aif.ru/gazeta/number/20634> (дата обращения 28.03.2026).

- Бурдонов И. Б. Китайские стихи. 640 стихотворений Игоря Бурдонова в переводах Гу Юя и др. М.: Наш мир, 2026. 608 с.
- Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. / Пер. с англ.; сост. С. Ильина, А. Кононова; предисл. и коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. 608 с.
- Хлебников В. В. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.
- Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.

References

- Dubakov L. V. Sovremennaya russkaya poeziya v kitaiskoi auditorii: stikhotvorenie I. B. Burdonova “Dao goroda Pin’yao”. *Prepavodatel’. XXI vek [Teacher. 21st century]*, 2025, no. 3-1, pp. 182–191. (in Russ.)
- Dubakov L. V. Buddiiskoe “nastroenie” v poezii Igoria Burdonova (na materiale “Podborki buddiiskikh stikhotvoreniy” (1984–2008)). *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel’stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]*, 2026, vol. 18, no. 1, pp. 192–204. (in Russ.)
- Krasnoyarova A. A., Kondakov B. V. “Kitaiskii tekst” russkoi literatury [“Chinese text” of Russian literature]. Monograph. Ed. by T. D. Popkova. Perm, Perm State National Research Uni. Press, 2024, 178 p. (in Russ.)
- Malyavin V. V. Chzhuang-tszy [Zhuangzi]. Moscow, Nauka, 1985, 309 p. (in Russ.)
- Malyavin V. V. Mudrost’ “bezumnykh rechei”. Chzhuang-tszy. Le-tszy [Zhuangzi. Liezi]. Trans. from Chinese, intr. art. and notes by V. V. Malyavin. Moscow, Mysl’ Publ., 1995, pp. 3–58. (in Russ.)
- Mikushevich V. B. Konets vechnosti. Burdonov I. B. Ritual’nye chisla [Ritual numbers]. Moscow, Art Haus media Publ., 2009, pp. 5–6. (in Russ.)
- 谷羽. 从俄罗斯诗人的中文图章说起 // 天津日报, 2020 年 1 月 17 日, 16 版, 满庭芳 [Gu Yu. About the Chinese seals of the Russian poet. *Tianjin Daily*. 2020. 17 Jan. 16th page, supplement “Man’tinfan”]. (in Chin.)
- 林明理. 伊戈尔·布林多诺夫的诗画人生 [Lin Mingli. The poetic and pictorial life of Igor Burdonov]. *Ma tszu zhi bao [Mazu Daily]*, July 2, 3rd page. 2024. (in Chin.)

List of Sources

- Burdonov I. B. Khumroe utro. Tikho bredut muzhiki za samogonom. *Argumenty i Fakty [Arguments and Facts]*, 1999, no. 27. (in Russ.) URL: <https://aif.ru/gazeta/number/20634> (accessed 28.03.2026).
- Burdonov I. B. Kitaiskie stikhi. 640 stikhotvoreniy Igoria Burdonova v perevodakh Gu Yuya i dr. [Chinese poems. 640 poems of Igor Burdonov in translations by Gu Yu and others]. Moscow, Nash mir Publ., 2026, 608 p. (in Russ.)
- Burdonov I. B. Sozertsanie kartinok v kitaiskom kalendare. *Novyi mir [New World]*, 1997, no. 12, pp. 135–138. (in Russ.)
- Burdonov I. B. Tao Shi. *Mitin zhurnal [Mitin Journal]*, 1987, no. 18 (November – December), pp. 135–142. (in Russ.)

Китайские сюжеты русской литературы

Chzhuang-tszy. Le-tszy [Zhuangzi. Liezi]. Trans. from Chinese, intr. art. and notes by V. V. Malyavin. Moscow, Mysl' Publ., 1995, 439 p. (in Russ.)

Khlebnikov V. V. Tvoreniya [Creations]. Ed. and intr. art. by M. Ya. Polyakov; comp., text prep. and comment. by V. P. Grigoriev and A. E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, 736 p. (in Russ.)

Nabokov V. V. Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda [Collected works of the American period]. In 5 vols. Trans. from Eng.; comp. by S. Ilyin, A. Kononov; preface and comment. by A. Luxembourg. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004, vol. 1, 608 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Леонид Викторович Дубаков, кандидат филологических наук, доцент
RSCI Author ID 1151261
SPIN 8955-5605

Information about the Author

Leonid V. Dubakov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
RSCI Author ID 1151261
SPIN 8955-5605

Статья поступила в редакцию 03.04.2026;
одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 30.04.2026
The article was submitted on 03.04.2026;
approved after reviewing on 30.04.2026; accepted for publication on 30.04.2026